

ВОЙНА КАМЗОЛОВ и ТЕЛОГРЕЕК

Сергей ЛЕТИН

Петру Великому не терпелось поскорее увидеть своих соотечественников европейцами. Свидетельство тому — лавина государственных указов во изменение внешнего вида жителей Московии. Не успели они прийти в себя после первых уроков брадобрития и повелений об обязательном ношении венгерского и немецкого платья, как в декабре 1701 года появился новый Указ, гласивший: «Боярам и Окольничим и Думным и Ближним людям и Стольникам и Стряпчим и Дворянам Московским и Дьякам и Жильцам городовым и Дворянам и детям Боярским и Гостям и приказным людям и драгунам и солдатам и стрельцам и черных слобод и всяких чинов людям Московским и городовым жителям, и которые помещиковы и вотчинниковы крестьяне приезжая, живут на Москве для промыслов, кроме духовного чину, священников и дьяконов и церковных причетников и пашенных крестьян, носить платье Немецкое, верхнее — Саксонское и Французское, а исподнее — камзолы и штаны и сапоги и башмаки и шапки Немецкие, и ездить на Немецких седлах; а женскому полу всех чинов, также и попадьям и дьяконицам и церковных причетников и драгунским и солдатским и стрелецким женам их и детям носить платье и шапки и кунтуши, а исподние бостроги и юбки и башмаки Немецкие ж, а Русского [платья] и Черкасских кафтанов и тулупов и азямов и штанов и сапогов и башмаков и шапок отнюдь никому не носить, и на Русских седлах не ездить, и мастеровым людям не делать и в рядах не торговать. А буде кто с сего Его Великого Государя указу станут носить платье штаны и сапоги Русские и Черкасские кафтаны и азиям и тулупы, также на Русских седлах ездить; и с тех людей в воротах целовальникам иметь пошлину, с пеших по 15 алтын по 2 деньги, с конных по 2 рубли с человека; также и мастеровые люди платье и сапоги и башмаки и шапки и седла Русские

станут делать и в рядах торговать: и тем людям, за послушание их, учинено будет жестокое наказание». Важное отличие этого Указа от прежних составляли карательные санкции, предусмотренные за его невыполнение. Через три года, в декабре 1704, Указ был повторен с незначительными изменениями.

Согласно новым законам, вся продукция портных, шаповалов и сапожников должна была строго соответствовать установленным образцам, за чем надлежало наблюдать «выборным» от купечества. После прохождения контроля товар клеймился и лишь после этого поступал в лавки для продажи. Эти правила были подтверждены Указами 1713 и 1714 годов.

Решительные меры Петра по ускорению европеизации облика россиян не принимали в расчет ни особенностей климата, ни экономических возможностей населения, не говоря уже о национальном характере и традициях. Вполне естественно, что выполнение указов о брадобритии и ношении немецкого платья натолкнулось на достаточно активное тайное и явное сопротивление как «хранителей старины», так и значительной части населения. Летом 1705 года жители Ярославля жаловались Ростовскому митрополиту Кириллу: «Велят нам по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить, лучше нам пусть отсекутся наши головы, чем бороды обреются». По мысли жалобщиков, утрата бороды влекла за собою потерю образа и подобия божьего и связанных с этим надежд на спасение. В том же году мужчины города Соликамска, подвергнутые насильственному поголовному брадобритию, с плачем собирали останки своего «богоподобия» и несли домой с тем, чтобы завещать родным положить их с собою в гроб. Тогда же вспыхнуло восстание в Астрахани, участники которого говорили: «Стали мы в Астрахани за веру христианскую, и за брадобритие, и за немецкое платье, и за табак, и что к церквям нас и наших жен и детей в русском старом платье не пущали, а которые в церковь Божию ходили, и у тех платье обрезавали и от церкви Божиих отлучали и выбивали вон». О случаях неисполнения указов в 1708 году сообщалось в распространенных по Москве подметных письмах на имя царя: «Бояре и другому указу твоему непослушны, о русском платье: как ты приедешь к Москве, и при тебе хо-

Решительные меры Петра по ускорению европеизации облика россиян не принимали в расчет ни особенностей климата, ни экономических возможностей населения, не говоря уже о национальном характере и традициях.

Ж. М. Натье. Портрет Екатерины I. 1717 г.
Екатерина I (1698–1727) — вторая жена Петра Великого. Изображена в парадном платье и горностаевой мантии с лентой и звездой ордена св. Екатерины.

дят в немецком платье, а без тебя все боярские жены ходят в русском платье и по церквям ездят в телогрейках, а наверх одевают юпки, а на головах носят не шапки польские, неведомо какие дьявольские камилавки, а если на ком увидят шапку или фантаж (фонтанж — С.Л.), то ругают и смеются и называют недобрыми женами тех, кто ходит по твоему указу. ...Как царь Федор Алексеевич приказал охабни переменить, и в один месяц переменяли и указу его не ругали, а твой указ ни во что не ставят, в семь лет не переведут». В 1713 году архангелогородский вице-губернатор А.А. Курбатов доносил Петру: «...в губернии же ... всяких чинов люди едва не все платье носят старинное и бород не бреют».

Столь явное неприятие реформы вынуждало Петра в отдельных случаях идти на уступки. В 1705 году в ответ на многочисленные челобитные жителей сибирских городов с просьбами «для скудости их» разрешить ношение старинного платья царь указал: «Посланные наши Великого

← Петр Великий в Полтавской битве
27 июня 1709 г.

Портрет-реконструкция, выполненный на основе оригинальных предметов одежды и вооружения из «Гардероба Петра», хранящихся в коллекциях Гос. Эрмитажа, ГИМа и ВИМАИВиВС.
Реконструкция С. Летина.

Государя грамоты все отставить, и по ним ничего не чинить». В апреле 1722 года вышел Указ о том, чтобы «бородачи и раскольщики (т. е. оплатившие пошлину за сохранение бороды и раскольники — С. Л.) никакого иного платья не носили, как старое, а именно: зипун со стоячим клееным козырем, фережи и однорядку с лежащим ожерельем. Только раскольщикам носить у оных козырь красного сукна, чего для платья им красным цветом не носить». Этот Указ был подтвержден Святейшим Синодом, обязавшим «раскольщиков» носить «приличное им платье, самое старинное долгое, с долгим ожерельем и с нашивками на грудях по четверти, на боках на подоле прорехи с петлями, шапку высокую с прорехами и петлями ж».

Судьбу петровской реформы одежды наглядно демонстрирует Указ Екатерины I от 31 мая 1726 года, согласно которому отставным «штаб и обер и унтер-офицерам капралам и рядовым» предписывалось под страхом штрафов и телесных наказаний «носить немецкое платье и шпаги, и бороды брить». Даже одного этого примера достаточно, чтобы убедиться, насколько узок был круг распространения европейской одежды в России после смерти императора. «Иноземское платье», которое, по мысли Петра, должно было поставить россиян в ряд с прочими европейскими народами, оказалось своеобразной «униформой», означавшей принадлежность к государевой службе. Принимая во внимание ход и результаты реформы, нельзя не согласиться с М. М. Щербатовым и другими русскими историками в том, что она была «нужная, но, может быть, излишняя». Она значительно опередила экономическое, культурное и политическое развитие страны и, идя вразрез с бытовыми и религиозными традициями, была обречена на жестокое сопротивление и конечную неудачу. Даже спустя столетие, в 1794 году, И. Георги писал о жителях С.-Петербурга: «Собственно Российская одежда обоего пола сохранилась в древнем своем виде не только у простого народа, но и у большей части людей среднего состояния, как по большей сродственности с естеством и простоте, так и по привязанности к прародительским обычаям».

Воплощением мечты Петра о новом облике жителей России должны были стать солдаты и офицеры его армии, которым отводилась роль живых манекенов для демонстрации красоты и удобства «немецкого» платья. Еще в 1698 году на Генеральном Дворе в Преображенском были приготовлены образцовые «венгерские» и «французские» кафтаны. Тогда предпочтение было отдано «венгерским», которые и стали на несколько лет форменной одеждой русских солдат.

В конце 1702 года, после первых побед над шведами, Петр решил еще более

приблизить одежду своей армии к европейским стандартам. «Французский» мундир был введен в гвардии и начал распространяться в армейских полках, постепенно вытесняя «венгерский». Переобмундирование завершилась к 1705 году, когда регулярная армия практически полностью оделась в «немецкое платье». Все дальнейшее развитие форменного костюма в России проходило уже в русле общеевропейском, подчиняясь тем же капризам военной моды, что воздействовали и на мундиры европейских армий.

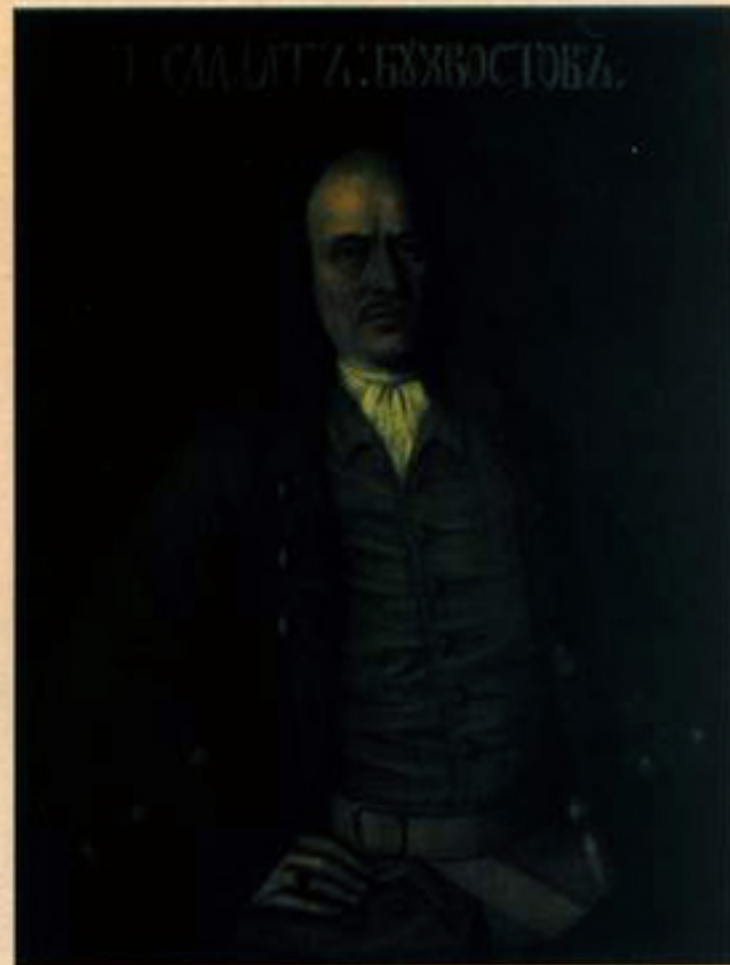
Несмотря на перемену общего стиля военной одежды, она по-прежнему оставалась многослойной и состояла из «исподнего», «нижнего» и «верхнего» платья. Существенным отличием было исчезновение былого разнообразия средних и верхних одежд, замененных поистине универсальным кафтаном европейского покроя. Практически неизменными остались лишь верхние сезонные одежды, такие, как шуба или епанча.

В покрое и отделке «исподнего платья» — рубахи и портов — произошли лишь некоторые изменения. Мужская рубаха практически не отличалась от употреблявшейся ранее, только прежние пристяжные запястья и обниси сменились пришитыми манжетами и воротником. Манжеты были значительно уже рукавов, собиравшихся при пришивании в складки, и, плотно облекая запястья, застегивались на пуговицы или завязывались тесемками. Воротник также имел пуговицы или завязки. Порты в начале XVIII века, по-видимому, совершенно не изменились по отношению к ранее бытовавшему фасону.

Для изготовления солдатского белья в XVIII веке употреблялся тонкий холст, «рубашечный» и «порточный», причем рубашечный холст стоил несколько дороже. Офицерское белье отличалось качеством материала и отделкой. Для него чаще использовалось тонкое голландское полотно, а для отделки вместо вышивки и жемчуга — полосы кружева или тонкого полотна, пришивавшиеся по внешнему краю манжет и грудного разреза рубашки.

Поверх воротника рубашки повязывали галстук, бывший обязательной деталью военной одежды того времени. Первоначально он представлял собой полосу сукна, холста, байки или трипа, которая оборачивалась вокруг шеи и спереди завязывалась узлом. Около 1708 года появился «короткий» галстук, длиной по диаметру шеи. Концы его сзади соединялись при помощи ремешка с пряжкой, крючков или завязок. В таком виде галстук сохранился практически до самого конца XVIII века.

Галстуки офицеров были из тонкого белого полотна или батиста с кружевной обшивкой на концах. Галстук завязывался несколькими способами. В последние десятилетия XVII века выпускали накрахмаленные кружевные концы галстука поверх повязанного на шее пышного банта из цветных лент. Немного позднее распространился фасон «à la Steinkerque», когда концы «небрежно» повязанного галстука протыкались в верхние петли кафтана или камзола. Носили офицеры и «короткий» галстук черного или белого цвета.

Неизвестный художник. Портрет майора С. Л. Бухвостова. Первая четверть XVIII в. Майор С. Л. Бухвостов первым вступил солдатом в «потешный» Преображенский полк юного царевича Петра, о чем говорит надпись на портрете.

Штаны «немецкого» покроя были довольно просторными, имели спереди откидной клапан — лацбант, а сзади стягивались по фигуре тесьмой или суконным ремешком с пряжкой, концы которого закреплялись в боковых швах. Длинной штаны были немного ниже колена и внизу, на внешних швах имели разрезы, стянутые ремешками или завязками и застегнутые несколькими пуговицами. Шили штаны, как правило, из сукна или кожи. В России кожа была весьма популярна из-за своей практичности и дешевизны и в XVIII веке использовалась для одежды нижних чинов практически всех родов войск.

Обязательным предметом обмундирования стали чулки, которые носили поверх штанов и подвязывали под коленом кожаными или суконными подвязками — «наколенками». Солдатам полевых полков в год обычно отпускали по две пары чулок. Наряду с обувью, чулки были наиболее изнашиваемым предметом вещевого довольствия — их постоянно не хватало. Потому часто чулки делали из любых пригодных материалов, даже из старых палаток. Цвет чулок нигде, кроме гвардии, не регламентировался.

В качестве «нижнего» платья прежний зипун сменился суконным камзолом, который довольно тесно облегал фигуру, достигал в длину 80 — 90 см, а сзади и по бокам имел разрезы почти до уровня талии. Спереди на обеих боках располагались врезные карманы с клапанами. Рукава у запястья имели несколько пуговиц. Воротник, как правило, отсутствовал. Спереди камзол застегивался на пуговицы и прорезные петли. Число пуговиц в разные годы было различным, но обычно не превышало двух портиц — то есть

◀ Франц Лефорт (1656—1699).

Портрет-реконструкция, выполненный по гравированному портрету работы Питера Шенка и оригинальному кафтану из собрания Гос. Эрмитажа. Реконструкция С. Летина.

◀ Предметы мундирной одежды 1702–1720 годов. Рис. С. Летина.

1. Кафтан лацканного покроя 1702–1708 годов. Вариант реконструкции по английским и прусским образцам.

1а и 16. Варианты погон для поддержания перевязи патронной сумы.

2. Вариант реконструкции кафтана 1702–1708 годов по саксонским и австрийским образцам.

3. Вариант реконструкции кафтана 1702–1707 годов по прусским и баварским образцам.

4. Камзол 1702–1720 годов.

5. Длинный галстук.

6. Короткий галстук 1708–1720 годов.

24 штук. Подбой на солдатские камзолы ставился чаще холщовый, а на их изготовление, особенно в армейских полках, обычно употреблялись старые епанчи. В конце 1700-х годов в драгунские полки из-за дефицита мундирных сукон стали поставяться камзолы, сделанные из кожи. В летнее время камзол мог служить верхней одеждой — то есть носился не под кафтаном, а вместо него.

«Французский» или «немецкий» кафтан представлял собой обычный для тогдашней Европы тип мужской верхней одежды, известный как «жюстокор» — *juste au corps* (буквально: «точно по форме тела» — *Ред.*). В длину он достигал 100–110 см («по подвязку»), а полы сзади и в боках имели разрезы. Боковые разрезы оформлялись встречными складками, количество которых было от двух до четырех с каждой стороны. Кафтан довольно плотно облегал верхнюю часть фигуры и расширялся книзу за счет боковых складок. Просторные рукава заканчивались широкими (около 20 см) обшлагами, из-под которых выпус-

кались манжеты и нижняя часть рукава рубашки. Спереди на полах делались вертикальные или горизонтальные карманные прорезы с клапанами, снабженными петлями и пуговицами. До начала 1720-х годов карманы располагались довольно низко — на уровне середины бедра. Застегивался кафтан, как и камзол, на пуговицы и прорезные петли, располагавшиеся по бортам.

В документах 1700-х годов часто упоминаются кафтаны «с двойными пугвицы» или «с отвороты». В своей записке — «О либериях» (т. е. о форменной одежде — *С. Л.*), датированной 1706 годом, князь Б. И. Куракин описывал «кафтаны верхние на груди с отворотами, и по самый пояс с двойными пугвицы». Документы о заготовке обмундирования позволяют утверждать, что «французский» мундирный кафтан образца 1702 года был двубортным, то есть имел на груди суконные лацканы прикладного цвета. Необходимо отметить, что в первой трети XVIII века в европейских армиях отвороты прикладного цвета чаще всего располагались на груди в виде

лацканов. Гораздо реже делались отвороты по всей длине борта. Во Франции подобный фасон вошел в моду в середине 1690-х годов и назывался «à la Teckeli». В пользу того, что русские мундиры 1700-х годов имели лацканы именно на груди, свидетельствуют документы об отпуске цветного прикладного сукна на «рукавные обшлага, отвороты и воротники», где обычно оговаривалось, что подбой передних пол выполнялся из других материалов. В тех редких случаях, когда прикладным сукном подбивали и полы кафтанов, отвороты, тем не менее, всегда обозначались отдельно. Кафтан мог иметь отложной воротник шириной около 5 см или узенькую стоечку высотой около 2 см.

Основным материалом для шитья мундирных кафтанов служило сукно, причем предпочтение отдавалась сукнам импортным — английского, голландского или прусского производства. Спину и рукава подбивали плотным холстом, а полы — кумачом, каразеей или цветной байкой, реже сукном. Срок службы кафтана

на практике зависел от качества сукна и часто продлевался чуть ли не до полного износа.

Кафтанные пуговицы делали из различных материалов – металла, кости или дерева. В двух последних случаях их, как правило, обтягивали цветным сукном. Металлические пуговицы могли быть выпуклыми, гладкими или украшались каким-либо простым узором или изображением государственного герба. Крепились они к кафтану тонким сыромятным ремешком, пропущенным с изнанки сквозь ушки, вставлявшиеся в специально пробитые по борту отверстия. Количество пуговиц на кафтане зависело от расположения застежки по борту. Чаще всего их было 24 штуки. Располагались пуговицы следующим образом: на обшлага нашивали обычно по три штуки, по столько же – под каждый карманный клапан, по одной – на лифе в боковых разрезах, а остальные, от 10 до 20 – по борту (от 3 до 9 на каждом лацкане и от 2 до 4 по правому борту под лацканом).

Впрочем, двубортные мундиры просуществовали недолго – 20 февраля 1708 года, направляя Ф. Ю. Ромодановскому приказ о поставке очередной партии мундиров для гвардейских полков, Петр распорядился: «Кафтаны сшить об одних пуговицах (т. е. однобортные – С. Л.) и прорезать у них у большой руки по двенадцати, а у средней по одиннадцати петель на поле, только по пояс». С этого времени упоминания об «отворотках» и «двойных пуговицах» постепенно исчезают со страниц документов.

Приготавливавшиеся в массовом порядке предметы обмундирования – кафтаны, камзолы и штаны – различались размерами, зависевшими от роста солдат. В начале XVIII века таких размеров (по тогдашней терминологии «рук» или «статей») существовало три – большой, средний и малый. Разница между ними, как правило, не превышала одного – двух вершков (от 4,5 до 9 см). В подрядах на изготовление мундиров обычно оговаривалось количество предметов каждой «руки» или «ста-

тьи». Подгонка обмундирования осуществлялась на месте путем изменения длины пол и рукавов. Полы кафтана просто подрезали на определенную высоту у стоявшего на коленях солдата. После этого соответственно укорачивался и камзол.

Еще одной штатной принадлежностью обмундирования в Российской армии на всем протяжении XVIII столетия была епанча. В петровское время епанча нижних чинов представляла собой круглый безрукавный плащ длиной до середины икр с широким отложным воротником, застегивавшийся у шеи на пуговицу или крючок. Шилась она из сукна, а подбивалась цветной байкой, каразеей или яренком. Плечи между сукном и подбоем подкладывались холстом. Длина епанчи составляла 120–130 см. Срок ее службы также старались продлить как можно дольше, но и по истечении его сукно и подбой часто, особенно в 1710-х годах, шли на изготовление камзолов.

Уже современники Петра обращали внимание на неудобства епанчей для несения

◀ Предметы мундирной одежды 1702–1720 годов. Рис. С. Летина.

7. Однобортный кафтан 1708–1720 годов.

8. Штаны. 1702–1720 годы.

9. Епанча. 1702–1720 годы.

10. Образцы мундирных пуговиц по археологическим материалам.

11. Крючок для застегивания епанчи.

строевой службы. В донесении генерала Глебова Военной Коллегии об этом говорилось следующее: «Если солдату, во время дождя, положить пола на полу, то руками ничего свободно действовать не можно, а особливо кавалеристам и лошадей править не удобно».

Недостатки классической епанчи успешно компенсировала т. н. «епанча с рукавами» — попросту говоря, обыкновенный европейский редингот, то есть просторный длиннополый кафтан для верховой езды, появившийся еще в XVII столетии. В качестве верхней демисезонной одежды редингот под различными названиями широко использовался во многих европейских армиях и явился непосредственным предшественником шинели. К сожалению, в петровское время редингот большого распространения в армии не получил и оставался в основном принадлежностью офицерского гардероба. Время от времени эта одежда употреблялась и нижними чинами, упоминаясь в документах о вещевом довольствии под старинным названием «емурлук» или «ямурлук».

В связи со сменой общего стиля военной одежды, в качестве наиболее типического военного головного убора вместо прежних шапок с меховой опушкой пришли шляпы, производство которых пытались наладить в России. В 1701 году Петр даже издал специальный указ «О делании шляп из бобрового пуху и из заячьей шерсти, и о не отпуске за море бобрового пуху». В Москве, Калуге, Ярославле и Нижнем Новгороде были основаны казенные шляпные мануфактуры. Годовая производительность Шляпного двора в Москве в 1708 — 1709 годах составляла 36 тысяч штук. 21 февраля 1709 года был издан Указ — в провинциальных городах «шляпное дело оставить для того, что мочно и одним московским делом удовольствоватца».

На рубеже XVII — XVIII веков шляпы имели полусферическую или цилиндрическую тулью и поля шириной 13 — 16 см, края которых обшивались разноцветными нитяными или металлическими галунами. Для придания большей жесткости под обшивку вставлялась проволока, благодаря чему поля можно было отгибать вверх.

В начале XVIII века практически во всех европейских армиях их отгибали с трех сторон, что стали делать и в России. Судя по иконографическим памятникам, до середины 1710-х годов поля не притягивались вплотную к тулье, а просто отгибались вверх. Иногда шляпы украшались «репьями» — то есть бантами из лент или тесьмы.

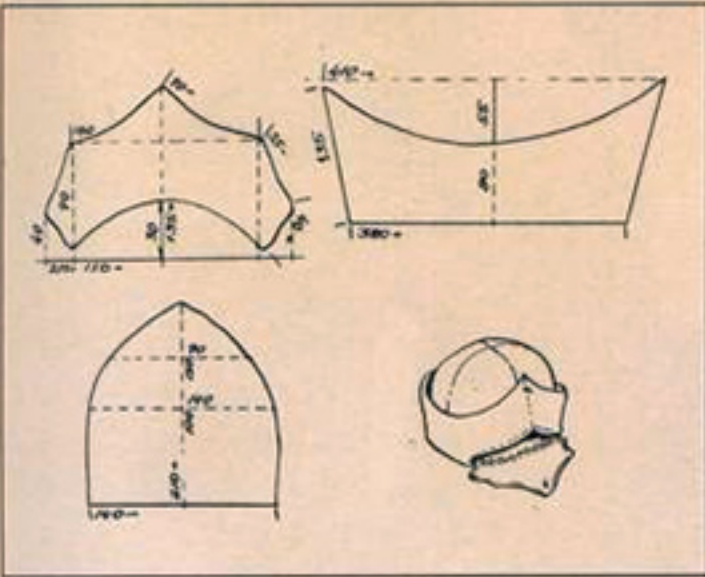
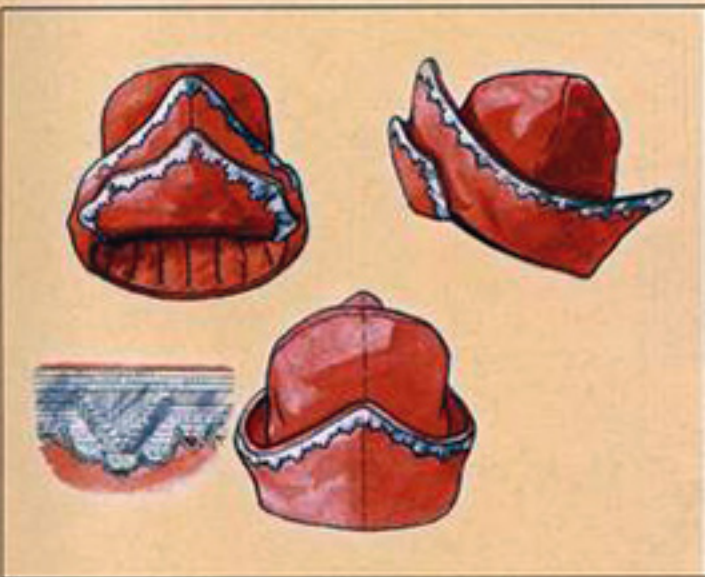
С 1708 — 1709 годов в качестве головного убора нижних чинов армейской пехоты кавалерии и артиллерии широко распространился картуз или «карпус». Впервые о нем упоминается в резолюции Петра от 5 августа 1708 года, рекомендовавшей выдавать каждому солдату «по шляпе в два года, а лутче картузы, буде мочно убратца». Причиной введения картуза был не дефицит шляп, а желание обеспечить солдат головным убором, наиболее пригодным к климатическим условиям театра войны. По всей видимости, картуз был заимствован у шведов, в армии которых он был весьма популярен еще со второй половины XVII века. Это подтверждается свидетельством датчанина Ю. Юля, увидевшего 19 октября 1709 года трофейные картузы на головах

← Рядовой драгунского полка. Россия. 1708—1720 годы. Рис. С. Летина.

➤ Рядовой пехотного полка. Франция. 1708—1720 годы. Рис. С. Летина.

Картуз из «Гардероба Петра Великого». Сукно, шелк, серебряный галун. Рис. С. Летина.

солдат полка Фихтенгейма, возвращавшихся из-под Полтавы. Внешний вид картузов начала XVIII века хорошо известен по иконографическим памятникам и подлинным экземплярам из гардероба Петра. Они имели круглую тулью, собранную из четырех или более клиньев, с пришитыми к ней отворотами и козырьком в виде треугольника или заостренного полумесяца. В непогоду отвороты отгибались вниз, защищая уши и затылок от холода. Тулья и отвороты были, как правило, разных цветов, зачастую отличных от цветов мундира. В качестве предмета обмундирования строевых чинов картуз просуществовал до середины 1720-х годов.

Впрочем, несмотря на все усилия, разнообразие головных уборов в армии, особенно в 1700-х годах, было таково, что вызвало к жизни специальные распоряжения Петра. Одним из них был Указ 19 ноября 1707 года, предписавший «морским и сухопутным офицерам, також и иным ... чинов людям ... шапок казачьих с откосами и прошвами отнюдь никому не носить, а носить шапки по образцам». Упомянутые «шапки казачьи с откосами и прошвами» — не что иное, как своеобразное подражание французскому «bonnet à la dragonne».

Башмаки, часто упоминающиеся в документах времен Северной войны как «чирики», «чарыки» или «курпы», делались из прочной грубой кожи на довольно толстой подошве и средней высоты каблуке. Они имели тупой носок, закрывали щиколотку и застегивались спереди, поверх длинного, иногда отгибавшегося вперед язычка, при посредстве клапанов с ме-

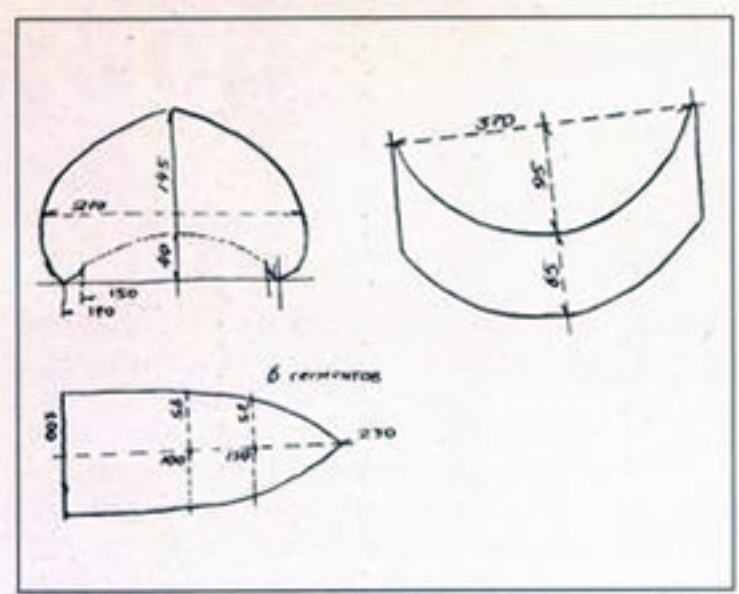
таллической пряжкой. В одном из документов о мундирном довольствии от 5 августа 1708 года Петр рекомендовал впредь выдавать в год «по две пары башмаков без пряжек с завязками». Позднее, 15 декабря 1711 года, он подтвердил свое распоряжение, указав применение пряжек для башмаков «впредь оставить, ибо везде в других государствах вместо пряжек солдатам к башмакам употребляют ремешки (которыми вместо пряжек завязывают)». В пехоте и артиллерии с башмаками одевались штиблеты, известные в документах начала XVIII века под названиями «штивени» или «штивелеты». Внешне они несколько напоминали голенища сапог с раструбами, но изготовлялись из мягкой кожи, грубого полотна или сукна. С внешней стороны штиблеты имели разрез с пуговицами и петлями, а внизу — козырек, закрывавший пряжку башмака, и штрипку, охватывавшую его снизу и застегивавшуюся на нижнюю пуговицу с внешней стороны. Среди штатных вещей в петровское время штиблеты не значатся. Они поставлялись в полки лишь от случая к случаю или просто заказывались из остаточных полковых сумм.

Сапоги употреблялись как в конных, так и в пеших частях. Кавалерийские сапоги — ботфорты — делались из кожи, имели толстую подошву и почти негнувшиеся голенища, завершавшиеся широкими кожаными раструбами. Для управления конем к сапогам при помощи кожного клапана с пряжкой и штрипкой крепились металлические шпоры, опиравшиеся сзади на специально для этого пришитый запятыш из сложенной вдвое полоски кожи. Сапоги пехотного образца были меньших размеров, без раструбов, с более мягким голенищем. Они служили походной обувью и употреблялись в холодное время года.

Еще в середине XVII столетия в «непременных войсках» Московского государства существовала свойственная многим европейским армиям того времени традиция соответствия цветов мундирной одежды расцветке ротных знамен. В 1700-х годах при конструировании мундиров эту традицию еще старались соблюдать. Так, например, 2 июня 1706 года шеф Ингерманландского полка А. Д. Меншиков велел «всем сделать из желтого сукна на целый полк 1300 кафтанов с красными отвороты и обшлага штаны красные», одновременно приказав приготовить для полка желтые знамена. Лейб-гвардии Семеновский полк при светло-синих или голубых мундирных кафтанах имел того же цвета ротные знамена. Бутырский полк, с 1690-х годов сохранивший красный цвет мундиров, ротные знамена также имел красные. Исключением был «Государев» Лейб-гвардии Преображенский полк, с момента своего формирования имевший ротные знамена черного цвета при темно-зеленых мундирах. Соответствие цвета мундира и знамени в 1700-х годах было единственным «регламентирующим» фактором при моделировании обмундирования. На соблюдение единообразия в покрое и отделке мундиров внимания не обращали, каждый полковой командир или шеф старался одеть и укра-

сить своих солдат как можно эффективнее. Отсюда и яркое разнообразие цветов мундирной одежды, и цветные лацканы-отвороты на кафтанах, и пышное убранство музыкантов, гренадеров и прочих привилегированных чинов, вроде лейб-стрелков и полковничьих ординарцев.

Военные расходы росли. Денег подчас не хватало на самое необходимое — пушки, порох, провиант, огнестрельное оружие. К тому же, вторжение шведов в Саксонию затруднило импорт качественных цветных сукон из Западной Европы. К концу 1700-х годов больше стали заботиться не о том, как украсить мундиры, а о том, как их вообще заготовить и вовремя отправить в полки, число которых все увеличивалось. Эти причины привели к упрощению мундира вообще и к отказу от традиционного соответствия цветов. Первым шагом в этом направлении было переименование пехотных и драгунских полков в 1706 — 1708 годах по названиям городов и провинций, а не по фамилиям полковников или шефов, как прежде. В связи с этим ротные знамена армейских полков получили изображения провинциальных гербов и произвольную расцветку, не имевшую уже ничего общего с цветами мундиров. Разнообразие последних, утратив всякую систему, зависело целиком от наличия сукна того или иного цвета. Лишь гвардейские полки, Преображенский и Семеновский, а из армейских — Бутырский и Лефортовский до конца Северной войны сохранили присвоенные им еще в начале 1690-х годов цвета мундиров.

Картуз из «Гардероба Петра Великого». Шелк, бархат, серебряный галун. Рис. С. Летина.

